

Marina VASILCOVA
Boris Godunov: new version
 once more

Марина ВАСИЛЬЦОВА
И снова «Борис Годунов»

Гениальная опера Мусоргского, созданная композитором в удивительно сжатые сроки (1868–1869 годы), сразу же ошеломила современников необычностью своей музыки и драматургии. Как известно, композитор вскоре переработал сочинение, и в дальнейшем именно вторая редакция оперы с ее лирически напряженной, театрально выигрышной Сценой у фонтана и кульминационной для линии народной драмы Сценой под Кромами обрела множество сценических воплощений. Первоначальная же редакция ждала своего часа более ста лет: ее премьера состоялась на Мариинской сцене лишь в 1997 году. Нынешняя постановка Грэма Вика (дирижер Павел Смелков) отличается новизной прочтения смыслов, заложенных в музыкальном тексте Мусоргского (хотя можно по-разному относиться к подчеркнuto злободневному решению сценической составляющей оперы). В исполнении прекрасно подобранного состава солистов «Мариинки» заиграли поистине шекспировскими красками во многом клишированные за десятилетия постановок образы народной драмы Мусоргского: интриган Шуйский (Евгений Акимов), рассудительный Щелкалов (Алексей Марков), разудалый беглый монах Варлаам (Алексей Тановицкий), аскетичный Пимен (Михаил Кит). Звонким тембром и точной артикуляцией, сочетавшейся с живостью в воплощении образа Самозванца, порадовал Сергей Семишкур.

Подлинным центром действия, не прерываемого антрактами (в соответствии с первоначальной авторской концепцией), является царь Борис. В исполнении Евгения Никитина были убедительны раздирающие Царя противоречивые чувства: властолюбие и жестокость, с одной стороны, страдания от мук совести и отеческая любовь — с другой. Особенностью постановки стало то, что, по замыслу режиссера, Царь появляется каждый раз

On 23 and 24 October 2012, Mussorgsky's opera *Boris Godunov* was again performed at the Mariinsky Theatre in the sensational stage version by Graham Vick (the première of this production opened the 20th anniversary season of the festival *The Stars of White Nights*). The outstanding British film director presented to the Russian audience his own — rather controversial — interpretation of Mussorgsky's 'people's musical drama' based on the composer's first version of its music.

Key words: Modest Mussorgsky, *Boris Godunov*, Graham Vick, *Stars of the White Nights*.

23 и 24 октября 2012 года на сцене Мариинского театра вновь прозвучал «Борис Годунов» М. П. Мусоргского в нашумевшей постановке Грэма Вика (премьера данной сценической версии открыла двадцатый, юбилейный сезон фестиваля «Звезды белых ночей»). Выдающийся британский режиссер представил российской публике неоднозначное прочтение «народной музыкальной драмы» в первой авторской редакции.

Ключевые слова: М. П. Мусоргский, «Борис Годунов», Грэм Вик, «Звезды белых ночей».

в сопровождении сына Федора (Иван Худяков). Федор обречен нести бремя ответственности за грехи отца — так, в сцене галлюцинаций («Чур, дитя») Борис в ужасе отталкивает собственного сына, принимая его за навязчивый призрак царевича Димитрия.

Оркестр Мариинского театра точно и естественно отражал тонкие градации в переменах состояния в музыке. Известно, что особая смысловая нагрузка в партитуре обеих редакций оперы выпадает на долю струнной группы, которая должна моментально реагировать динамикой на контрасты в действии. Запоминающимся стал момент перепада от мощного хорового тутти «Хлеба!» к реплике-ответу Юродивого (Андрей Попов) Борису: «Нельзя молиться за царя Ирода. Богородица не велит» — звучащего на прозрачных педалях у скрипок в высоком регистре.

В исполнении хора Мариинского театра отразилось все богатство хорового письма партитуры Мусоргского — то полнозвучного и грозного («Хлеба!»), то невесомого, «поднебесного» (закулисный хор в Сцене в келье), не говоря уже о разноплановости тембров голосов, представленного в сочетании смешанного хора и детского (точнее, подросткового) в Сцене с Юродивым. Интересен найденный постановщиками драматургический прием в финале Пролога, когда славящий Царя хор поет, подойдя к краю сцены: виватный посыл как бы включает в свою орбиту и зрительный зал.

Одной из многочисленных режиссерских находок стал финал оперы: Шуйский снимает на фотоаппарат заключительную сцену — укрытый погребальными венками Борис, рядом Федор за трибуной, позади него бояре. Вместе со вспышкой камеры гаснет свет в зале, погружая во мрак сцену и зрительный зал, оставляя каждого наедине с собственным сознанием и совестью.